

БИТВА ПОД МОСКВОЙ

Мягков М.Ю.

Статья посвящена анализу одного из ключевых сражений Великой Отечественной войны. Автор показывает, что Битва под Москвой имела огромные последствия для дальнейшего хода как Великой Отечественной, так и всей второй мировой войны. Решающим моментом стал тот факт, что Германии не удалось осуществить план блицкрига, крах которого означал переход вермахта к затяжной войне, к которой Германия ни политически, ни экономически, ни морально готова не была.

С первых дней Великой Отечественной войны наиболее опасное направление германского удара против СССР обозначилось на центральном – московском направлении. Несмотря на то, что по плану «Барбаросса» немецкие войска должны были в первую очередь овладеть Ленинградом, и лишь затем наступать на Москву, решающие сражения развернулись именно здесь – вдоль кратчайшего пути от Бреста до советской столицы. Германское командование отводило захвату столицы особое значение; предполагалось, что с достижением этой цели война будет выиграна¹.

Первоначальный успех германского оружия был предопределен мощью наступавшей здесь группировки вермахта – группы армий «Центр» (командующий фельдмаршал фон Бок), имевшей в своем составе около 1 600 танков и более 1 670 единиц самолетов. И хотя по танкам советские войска превосходили противника более чем в 2,5 раза², они уступали ему в качестве бронированных машин и подготовке экипажей. Более того, в первые дни войны на аэродромах и в воздушных боях было уничтожено свыше тысячи советских самолетов, что предопределило полное превосходство немцев в воздухе и беспрепятственное движение германских моторизованных колонн на восток.

Успех вермахта в таком масштабе стал бы невозможен, если бы немецкие солдаты не прошли до этого хорошую школу большой европейской войны. За их плечами лежали покоренные Франция, Бельгия, Норвегия, Югославия, Греция. Их вели в бой опытные военачальники: фельдмаршал фон Бок, чьи стратегические способности высоко оценивали все его приближенные; генерал Г. Гудериан – ведущий теоретик танковой

войны и боевого использования бронированных машин; фельдмаршал фон Клюге – мастер современного боя с применением крупных пехотных соединений. Им противостояли порой отчаянно смелые, но недостаточно опытные командиры Красной Армии. Такими были командующий Западным фронтом генерал Д. Павлов, его начальник штаба генерал В. Климовских, командующие 3, 4 и 10-й армиями фронта генералы В. Кузнецов, А. Коробков и К. Голубев.

Логика любой войны такова, что побеждает сильнейший. Всего за несколько дней июня 1941 г. немцам удалось на центральном направлении полностью уничтожить 3-ю и 10-ю и разгромить 4-ю советские армии. В начале июля 1941 г. генералы Павлов, Климовских, Коробков и несколько других были вызваны в Кремль, арестованы и преданы военному трибуналу. Приговор был суровый – расстрел. Вина за поражение в Белоруссии, которую в полной мере разделял и Сталин, была возложена на нескольких, подавленных военными неудачами офицеров. Справедливость в отношении к ним была восстановлена лишь после 1953 г.

Успехи в приграничных сражениях позволили германскому командованию надеяться на безостановочное продвижение вперед и быстрый захват советской столицы, не считаясь с положением на флангах советско-германского фронта. Действительно, практически все кадровые формирования Красной Армии были уничтожены еще западнее старой границы СССР 1939 г. Впереди, по мнению Гудериана, открывалось свободное оперативное пространство. Но именно в этот момент сказались просчеты гитлеровского руководства. План молниеносной войны стал давать сбой. Дело в том, что в это время к Смоленску стали подтягиваться свежие советские дивизии, переброшенные

65 лет Великой Победы

из восточных регионов СССР, в том числе с Дальнего Востока. Полным ходом шла мобилизация резервистов для формирования новых частей. Командование Западного стратегического направления возглавил бывший нарком обороны Советского Союза маршал С. Тимошенко – талантливый военачальник, герой финляндской войны; именно под его началом проводились столь необходимые реформы Красной Армии в предвоенный период, которые, однако, не были полностью завершены. Среди командующих новыми армиями и корпусами были и будущие выдающиеся полководцы: маршалы И. Конев, К. Рокоссовский и другие. В их действиях присутствовала решительность и огромное желание овладеть опытом современной войны. Такая возможность им вскоре представилась в ходе гигантского Смоленского сражения (июль—сентябрь 1941 г.).

Первой неожиданностью для командования вермахта стал тот факт, что немецкие соединения, дойдя до Смоленска, не получили на востоке, как это ожидалось, свободного оперативного пространства. Со всех сторон они подвергались непрерывным советским контратакам. В глубине обороны Красной Армии строились все новые и новые укрепления. Моральное состояние красноармейцев, несмотря на все неудачи, оставалось высоким. Да, потери убитыми и пленными продолжали расти, но шок от первых ударов постепенно проходил. Теперь многие немецкие части отмечали: русские сражаются не так, как солдаты западных армий. «Если на Западе, как и в войне с Польшей, окруженные силы противника после окончания сражения в основном сдавались в плен, – доносил в генштаб сухопутных войск Германии фон Бок, – здесь в России это будет происходить по-другому»³. Большинство советских бойцов боролись до последнего патрона, стремились вырваться из вражеских «клещей» и предпочитали смерть немецкому плену.

Развернувшиеся под Смоленском сражения не позволили германскому командованию перебросить крупные силы на север, под Ленинград, как это предусматривалось еще до войны. Более того, положение на флангах стало вскоре основной головной болью Гитлера и его ближайшего окружения – В. Кейтеля, А. Йодля, В. Браухича, Ф. Гальдера. Войска Северо-Западного стратегического направления под командованием маршала К. Ворошилова навязали немецкой группе армий «Север» тяжелые бои на Лужском рубеже (северо-восточнее Чудского озера), а войска Юго-Западного стратегического направления под командованием маршала С. Буденного сдерживали группу армий «Юг» западнее Киева, не давая германским силам

форсировать р. Днепр. Теперь даже неискушенному в военном деле человеку было понятно, что дальнейшее наступление вермахта в направлении Москвы связано с большим риском. Советские части могли ударить по флангам группы армий «Центр», отрезать ее передовые соединения от главных сил.

Гитлер решил не рисковать. В своей директиве от 21 августа 1941 г. он приказал расправиться вначале с советскими войсками, обороняющими Киев, захватить Крым и Донбасс, и лишь затем наступать на Москву⁴. Германские войска теряли время, но взамен получали безопасный фланг для дальнейшего удара по советской столице. Нельзя сказать, что Ставка Верховного Главнокомандования во главе со Сталиным не видела такой потенциальной опасности. Генерал армии Г. Жуков, бывший в начальный период войны начальником Генерального штаба, еще в июле предупреждал Сталина о возможном окружении советских войск под Киевом. Но все его уговоры оказались тщетными. Верховный стоял за прочную оборону столицы Советской Украины. Жуков был снят со своего поста и назначен руководить Резервным фронтом. Ему предстояло освободить г. Ельня, ликвидировать опасный выступ в сторону советской обороны на московском направлении.

Что стояло за нежеланием Сталина эвакуировать Киев? Принято считать, что в своем решении он исходил из обещания, данного представителям правительств Великобритании и США, о том, что к началу зимы советско-германский фронт будет проходить примерно по линии юго-западнее Ленинграда, немного восточнее Смоленска, западнее Киева. Отсюда вытекает логичный вывод: Сталин просто хотел убедить союзников в способности СССР эффективно сопротивляться агрессору и тем самым намеревался добиться от них увеличения военных поставок. Однако такая оценка была бы правильной лишь частично. Нельзя сбрасывать со счетов и того факта, что Сталин прекрасно осознавал, что большинство командиров Красной Армии в то время просто не могли осуществлять крупные отступательные операции. Только в полосе Юго-Западного фронта, который нес ответственность за оборону Киева, в конце июля—начале августа 1941 г. были окружены и уничтожены в Уманском котле 6-я и 12-я советские армии. Гарантии того, что части Киевского укрепленного района не постигнет та же участь в случае их отступления за Днепр от столицы Украины, отнюдь не было. Кроме того, отдать врагу Киев означало «самоликвидировать» угрозу флангу группы армий «Центр». В этом случае наступление на Москву Гитлер мог начать уже в конце августа.

Чтобы предотвратить прорыв германских войск в тыл Киевского укрепрайона, приказом Ставки 16 августа был образован Брянский фронт под командованием генерала А. Еременко. Последний пообещал Сталину, что обязательно разгромит «подлеца Гудериана», командующего 2-й танковой группой, не даст тому продвинуться на юго-восток в тыл Юго-Западного фронта⁵.

Однако Еременко своего обещания не выполнил. Несмотря на все усилия, его войска не смогли сдержать начавшееся в середине сентября крупное немецкое наступление. 16 сентября двигавшиеся навстречу друг другу соединения групп армий «Центр» и «Юг» замкнули кольцо вокруг Киева. 5, 26, 37-я и частично войска 38-й и 21-й армий Юго-Западного фронта оказались в окружении. По немецким источникам, в районе Киева в плен попали около 600 тыс. советских солдат. По отечественным данным, весь Юго-Западный фронт потерял с начала войны до 26 сентября 531 тыс. человек⁶.

Потеря такого количества войск катастрофическим образом сказалась на всей обороноспособности Красной Армии. Положение не спас и прибывший на юг с западного направления новый командующий Юго-Западным фронтом – маршал Тимошенко. К сожалению, он уже не мог как-то повлиять на ситуацию. В брешь, образовавшуюся на Украине, срочно перебрасывались войска, предназначенные для действий на других участках советско-германского фронта. В то же время новым командующим Западным фронтом стал генерал И. Конев.

Каких-то особых задач на оборону московского направления Западному фронту не ставилось вплоть до середины сентября. Более того, на некоторых участках наступательные действия советских войск продолжались вплоть до конца этого месяца. Коневу выделялись солидные резервы. За его спиной, на отдалении 35–40 км строилась оборона Резервного фронта (После того как Жуков вылетел в начале сентября в Ленинград и возглавил оборону северной столицы государства, новым командующим Резервным фронтом стал С. Буденный). Однако данных о замысле и направлении ударов германских войск в новом наступлении, теперь уже непосредственно на Москву, советскому командованию получить так и не удалось. Генерал Конев предполагал, что немцы попытаются ударить по кратчайшему пути – вдоль смоленской дороги⁷. Поэтому именно там строились основные укрепления. Вероятность того, что противник прорвется севернее и южнее смоленской дороги, будет стремиться окружить основные силы Западного и Резервного фронтов,

долгое время никем не рассматривалась. Лишь 1 октября Конев доложил Сталину о появлении немецких частей на флангах Западного фронта. Но было уже слишком поздно. Еще 30 сентября в наступление на брянском направлении, против сил генерала Еременко, перешли соединения Гудериана. 2 октября гигантский шквал огня обрушился уже непосредственно на войска Западного и Резервного фронтов.

Основные силы группы армий «Центр» были брошены против левого крыла Брянского фронта и флангов Западного и Резервного фронтов, оборонявших московское направление. Войска фон Бока, общая численность которых достигла к 1 октября более 1 900 тыс. человек, и имевших 14 тыс. орудий, 1 390 самолетов, 1 700 танков⁸ значительно превосходили противостоящие советские силы, насчитывавшие всего 1 250 тыс. человек, 7,6 тыс. орудий, 990 танков, 667 самолетов⁹. В полосе группы армий «Центр» находились целых три танковые группы, включая переброшенное незадолго до этого из-под Ленинграда объединение генерала Э. Гепнера. На решающих участках прорыва германское превосходство над советскими войсками достигало соотношения 4:1 в личном составе и вооружении. План немецкого наступления, получивший кодовое название «Тайфун», был утвержден еще 16 сентября и предусматривал двойной охват советских сил в районе Вязьмы и Брянска. Уничтожение Брянского, Западного и Резервного фронтов должно было расчистить дорогу немецким моторизованным соединениям и открыть им прямой путь на Москву¹⁰.

В первых числах октября 1941 г. все внимание Ставки ВГК было приковано к брянскому направлению; считалось, что прорыв немцев к Вязьме не столь опасен. И лишь когда расстояние, отделяющее танки генерала Гепнера (наступающего к Вязьме с юга) от танков генерала Гота (продвигающегося к городу с севера) сократилось до 30 км, Сталин приказал отходить¹¹. К сожалению, как и в случае под Киевом, приказ пришел слишком поздно. 7 октября кольцо вокруг основных сил Западного и Резервного фронтов замкнулось. Еще через несколько дней были отрезаны и три армии Брянского фронта. В результате советское командование всего за две недели октября лишилось 64 дивизий, 11 танковых бригад¹². По новейшим оценкам, безвозвратные потери Красной Армии на московском направлении только за октябрь составили один миллион человек, в том числе, по немецким источникам, около 688 тыс. пленных¹³.

Окруженные советские войска дрались муже-

65 лет Великой Победы

ственно и упорно. Но силы и опыт боевых частей были неравными. Многие советские подразделения формировались из ополченцев, едва научившихся держать в руках винтовку. Принявший на себя командование окруженными войсками, генерал М. Лукин решил сходу прорвать стальные клещи противника и вывести свои силы на восток. Как оказалось, такое решение было неверным. Необходимо было первоначально организовать оборону окруженного района, нащупать слабые места противника и лишь затем идти на прорыв. Получилось обратное: советские солдаты в полный рост шли в атаку, пытаясь вырваться там, где немцы их уже ждали. Десятки тысяч солдат погибли тогда в районе деревень Богородицкое и Панфилово под огнем германских орудий и пулеметов. Сотни тысяч попали в плен.

Следует подчеркнуть, что действия окруженных под Вязмой и Брянском советских частей сыграли важную роль в спасении столицы. Для ликвидации двух огромных котлов ГА «Центр» пришлось привлечь до 61% своих дивизий (48 из 78) и затратить на это от 7 до 14 суток¹⁴. Но выйти из окружения удалось лишь немногим. 13 октября организованное сопротивление советских войск под Вязмой прекратилось, хотя отдельные разрозненные подразделения еще долгое время продолжали сопротивление. Несколькими днями позднее немцы доложили и об уничтожении котла под Брянском. Теперь развал всего советского фронта под Москвой казался Гитлеру и его генералам абсолютно неизбежным. В обороне Красной Армии образовалась огромная брешь шириной до 500 км. Ставка вермахта приказала продолжить наступление на советскую столицу.

Однако триумфального марша немецких танковых колонн к Москве в середине октября не получилось. На главные направления немецких ударов срочно выдвигались курсанты военных училищ, запасные части. Руководство Западного фронта и всей советской обороной на московском направлении возглавил срочно вызванный из блокадного Ленинграда генерал армии Г. Жуков. Его решительные действия по сбору оставшихся боеспособными частей, наведению порядка в войсках возымели свое действие. Именно в этот период особенно ярко проявился стратегический талант будущего маршала. Все имеющиеся в его распоряжения части и подходящие из глубины СССР свежие дивизии он направлял на особо опасные направления вдоль шоссе и железных дорог, ведущих к Москве. Подчиненные ему командиры выводили орудия на прямую наводку и в упор уничтожали немецкие танки. Особое внимание Жуков уделял минированию местности, по которой могли про-

рваться немецкие моторизованные колонны.

Сегодня многие историки, занимающиеся битвой под Москвой, отмечают – одни с упреком, другие с похвалой – весьма жесткий стиль управления Жуковым своими войсками. В том числе это касается и Битвы за Москву, которую сам маршал выделял впоследствии как одно из самых памятных для него событий военных лет. Не ввязываясь в подробную дискуссию, подтвердим, что эта жесткость имела место и, безусловно, оказала влияние на поведение и исполнительность подчиненных в кризисной ситуации. Насколько угрозы командующего помогали делу, а насколько вредили – вопрос спорный и требует оценки каждого конкретного эпизода. В настоящей работе хотелось бы привести лишь несколько показательных фактов, из практики руководства Жукова, оценить которые смогут сами читатели.

Поздним вечером 12 октября, получив информацию о падении Калуги, будущий маршал отправил командующему 49-й армии генералу И.Г. Захаркину гневное и суровое послание. Его копия посылалась самому Сталину:

«1. Немедленно дать объяснение, на каком основании Вы бросили Калугу без разрешения Ставки и Военсовета фронта и со штабом сами уехали в Тарусу.

2. Переходом в контрнаступление восстановить положение. В противном случае за самовольный отход от г. Калуга не только командование частей, но и Вы будете расстреляны.

3. Стык с 43-й армией в районе Прудки, Барановка направляется 9 тбр (танковая бригада – М.М.).

4. Получение, исполнение донести. Жуков, Булганин, Соколовский»¹⁵.

Документ красноречивый и требует лишь того комментария, что Калугу отбить тогда не удалось, но и Захаркин Иван Григорьевич расстрелян не был. Генерал продолжал руководить войсками своей армии, дослужился до звания генерал-полковника, был одно время даже заместителем командующего фронтом, а в 1944 году назначен командующим военным округом, где и погиб в автомобильной катастрофе.

Известны и другие жесткие предупреждения и угрозы расстрела со стороны Жукова, которые далеко не всегда исполнялись. Гораздо глубже, на наш взгляд, его характер и натуру высвечивает другой приказ командиру 2-го кавалерийского корпуса от 12 ноября 1941 г.: «Прибывшее в кавалерийский корпус необученное конному делу пополнение передать командующему 49-й армией для укомплектования стрелковых частей.

Необученное конному делу пополнение ни в коем

случае в строй не давать, разрешаю использовать только для укомплектования тылов. 12.11.41. Жуков, Булганин»¹⁶.

Приведенный документ показывает, что вопреки распространенному сегодня мнению, Жуков думал и о необученном пополнении, и о том, какие потери неопытные новобранцы могут понести на полях сражений. И такой документ, подписанный им, является отнюдь не исключением.

В середине октября 1941 г. правый фланг войск Жукова прикрывал уже новый Калининский фронт, который возглавил генерал Конев, чудом избежавший суда военного трибунала после катастрофы под Вязьмой. По существу, Жуков спас своего товарища, заявив, что бывший командующий нужен ему для организации прикрытия калининского направления. Жуков не ошибся в своей высокой оценке потенциальных возможностей Конева. Последний не только сдержал удары гитлеровцев на своем фронте, но и оттягивал значительные их силы, которые в противном случае были бы брошены непосредственно на Москву.

Следует также отметить, что немецкие генералы сильно переоценили успехи, достигнутые ими в октябрьских боях. Командующий группой армий «Центр» приказал 3-й танковой группе и 9-й армии наступать не на столицу, а севернее ее для того, чтобы осуществить новое крупное окружение сил Красной Армии – советского Северо-Западного фронта. Определенную роль в срыве германского наступления на Москву сыграла и начавшаяся распутица: пошел снег, и дороги превратились в месиво грязи. Распутица, кстати, мешала и советским войскам, вынужденным по этой причине оставлять врагу тысячи застрявших машин, орудий, повозок.

И все же главной причиной приостановки немецкого продвижения к столице в конце октября стало мужество красноармейцев и командиров, беспримерный подвиг советских людей, грудью ставших на защиту родной земли. Сами немецкие командиры отмечали стойкость советских частей в обороне. «316-я дивизия [с 18 ноября 1941 г. – 8-я гвардейская, командир генерал-майор М.М. Панфилов – М.М.], – говорилось в донесении командира германского корпуса Р. Руофа от 23 октября, – имеет много хорошо обученных солдат и ведет поразительно упорную борьбу»¹⁷. О героизме советских воинов говорят и строки из наградных документов того периода, в том числе подписанные на уровне командующего Западным фронтом. В приложении к ходатайству на вручение младшему сержанту Петру Дмитриевичу Стемасову, 1917 г.р., Золотой Звезды Героя говорилось: «...Тов. Стемасов

героически сражался в бою 25 октября 1941 г. за село Спасс-Рюховское. В момент боя, рискуя жизнью, он затушил пожар на 2 машинах, загруженных боеприпасами и горючим. Во время танковой атаки, исправив орудие, один без артиллерийского расчета, вел огонь по наступающим танкам, когда это орудие было выведено из строя, т. Стемасов подполз к другому орудию и пятью личными снарядами уничтожил 2 танка. Но когда было подбито и это орудие, тов. Стемасов взял уцелевший трактор и дождавшись ночи, пробираясь в обход противника, вывез в течение трех суток это орудие в полк и одновременно привел с собою 17 бойцов полка»¹⁸. Заметим также, что командование РККА старалось в тот период лучше стимулировать мужественное поведение военнослужащих на фронте с помощью наград и даже денежного вознаграждения.

Новое советское оружие также сыграло одну из ключевых ролей в обороне Москвы. Наряду с танками Т-34 и КВ, которые не раз срывали быстрое продвижение вперед частей вермахта, немцы чрезвычайно опасались подвергнуться обстрелу реактивных минометов. В критический период середины октября 1941 г. «катюши» нанесли немалый урон противнику. Так, из доклада Военного совета Западного фронта И.В. Сталину о действиях дивизионов «РС» следовало, что с 21 октября на фронте 16-й армии действовали два дивизиона «катюш» по местам сосредоточения танков и мотопехоты. Причем «танки и мотопехота рассеяны и повернули в западном направлении...». Далее в докладе говорилось о действиях дивизионов «РС» на Можайском направлении на фронте 5-й армии, а также в 43-й, 49-й армиях. Во всех случаях враг был остановлен и поворачивал вспять. Жуков просил Сталина создать дополнительно 9 полков «РС» и направить их к нему на фронт¹⁹.

В последние годы появилось масса публикаций, описывающих панику, возникшую в Москве 15–16 октября 1941 г. Да, отдельные лица действительно растерялись, узнав о немецком прорыве, и, бросая свои рабочие места и квартиры, устремились на восток. Картина неработающего наземного транспорта и метро, лихорадочная выдача по карточкам дополнительного количества продуктов некоторыми гражданами неоправданно было расценено как последний акт драмы перед приходом фашистов. Страх за себя и своих родных вполне понятное и объяснимое явление. В городе находились нормальные живые люди. Многие москвичи, похватав свои вещи, устремились на восток, запрудив шоссе Энтузиастов. Другие – пытались прекратить хаос, останавливая нагруженные домашним скарбом машины. Положение усугублялось бегством из Москвы ряда

65 лет Великой Победы

ответственных хозяйственных руководителей – директоров предприятий, бросивших на произвол судьбы своих подчиненных. Причем многие работники не получили, как им обещалось, причитающихся денежных средств. Имелись случаи разграбления магазинов и складов. Как всегда в таких случаях в городе оживилась преступная среда²⁰. Но не эти факты определяли общую ситуацию в городе на тот период. Большинство москвичей продолжали доверять руководству своей армии и правительству. После того как Москва 20 октября была объявлена на осадном положении, тысячи жителей города вступили в народное ополчение, десятки тысяч двинулись на запад на строительство оборонительных укреплений. Организованно продолжалась эвакуация женщин, детей, стариков, промышленных предприятий в восточные регионы страны. Москва приобрела суровый военный облик, сосредоточила все свои могучие силы на отпор врагу. Взять такой город было уже во много раз тяжелее. Окончательно моральный перелом произошел после традиционного парада 7 ноября на Красной площади в честь очередной годовщины Октябрьской революции. Выступая, советский лидер вспомнил имена великих предков советских воинов: Александра Невского и Дмитрия Донского, Минина и Пожарского, Суворова и Кутузова. Их имена и сам факт проведения парада перед самым носом у противника воодушевляли людей, заставляли верить, что окончательная победа будет за их страной.

Немецкой авиации не удалось в октябре – ноябре захватить полное господство в небе в районе Москвы. Неспособность «люфтваффе» в должной мере поддерживать наземные части вермахта снижало темпы продвижения ГА «Центр» к советской столице, отрицательно влияло на моральное состояние германских военнослужащих²¹. С другой стороны, массированные атаки на жилые кварталы и предприятия города не смогли дезорганизовать жизнь москвичей.

К началу войны город располагал бомбоубежищами вместимостью на 400 тыс. чел. К концу 1941 г., включая 23 км линий метро, в Москве можно было укрыть от налетов 1,6 млн чел. По данным Московского корпусного района ПВО за 6 месяцев войны в налетах на столицу участвовало более 7 тыс. самолетов противника, из них к городу прорвалось всего 229. Всего же, в Москве 141 раз объявлялась воздушная тревога. На город было сброшено 1 610 фугасных и 110 тыс. зажигательных бомб. Показательно, что 687 фугасок упало на ложные объекты. Во время воздушных налетов пострадало 7,7 тыс. чел., 2 196 – погибли. МПВО занималось и

обучением населения²². Тысячи и тысячи москвичей участвовало в тушении пожаров, обезвреживали зажигательные бомбы, помогали в эвакуации пострадавших. Среди них было значительное число женщин и подростков. Противовоздушная оборона Москвы на тот период была, пожалуй, лучшей в мире, хотя из-за допущенных еще в предвоенное время ошибок и реалий противоборства с грозным и опытным противником, потери германской авиации на подступах к городу могли бы быть выше.

В начале ноября 1941 г. противоборствующим сторонам стало понятно, что самые решительные схватки у стен Москвы еще впереди. Второе немецкое наступление на столицу началось 15–16 ноября 1941 г. Германские соединения к середине ноября смогли привести себя в порядок и несколько пополниться. Погода благоприятствовала гитлеровцам. Снегу было еще мало, но почва уже достаточно промерзла, чтобы по ней могли свободно передвигаться тяжелые бронированные машины. Согласно плану группы армий «Центр» город предстояло окружить стальным кольцом, которое должно было замкнуться в районе Орехово-Зуева. Часть моторизованных соединений направлялось в сторону Ярославля и Рыбинска с целью прервать всякое снабжение города²³. Главное командование сухопутных войск издало директиву, в которой говорилось: «Фюрер вновь решил, что капитуляция Москвы не должна быть принята, даже если она будет предложена противником». Гитлер опасался, что здесь, как и в других городах, войскам будут угрожать мины замедленного действия и эпидемии. Поэтому он распорядился, чтобы «ни один немецкий солдат не должен вступать в эти города. Всякий, кто попытается оставить город и пройти через наши позиции, должен быть обстрелян и отогнан обратно... И для других городов должно действовать правило, что до захвата их следует громить артиллерийским обстрелом и воздушными налетами, а население обращать в бегство...»²⁴. Москву намечалось окружить, обстреливать, избавиться от ее населения. В качестве крупного города ее дальнейшее существование не планировалось.

Первыми нанесли удар 4-я и 3-я танковые группы в направлении Солнечногорска и Клина. Они достаточно быстро добились крупного успеха. Причиной стал неудачный контрудар 16-й советской армии, проведенный здесь всего за несколько дней до начала нового немецкого наступления. Части Красной Армии лишь измотали себя в боях, но не нанесли существенного ущерба противнику. В результате немцы заняли Клин и Солнечногорск, вышли на Ленинградское шоссе. Но удачные действия

в обороне советских войск в районе Тулы и контратаки 49-й армии Западного фронта препятствовали немецкому продвижению к Москве с юго-запада.

Волнам германского напора на советскую столицу противостояла ярость в обороне бойцов Красной Армии. Пружина противостояния сжалась до предела. Мы, видимо, никогда не узнаем имен всех солдат и командиров РККА до конца исполнивших свой воинский долг, погибших, но задержавших врага. Но появлялись и символы героизма, о которых в считанные дни узнавала вся страна. Среди них подвиг партизанки Зои Космодемьянской, казненной гитлеровцами за поджог домов, где размещались солдаты противника, и, конечно, стойкость воинов 316-й дивизии генерала Панфилова на волоколамском направлении. В реальности их было не 28, как говорилось тогда в прессе. Вражеский натиск на небольшом участке сражений у раз. Дубосеково сдерживали две роты 1075 полка этой дивизии во главе с политруками П.Б. Вихревым и В.Г. Клочковым²⁵. Командиры и многие бойцы, уничтожая немецкие танки, геройски погибли, часть солдат, к счастью, уцелела после боя. Пусть их было не 28, но важнее другое – страна узнала о реальных героях, их самоотверженности, благодаря которым Москва продолжала держаться. Вечная память о Зое Космодемьянской и панфиловцах не может быть оскорблена или подвергнута пересмотру.

В конце ноября 1941 г. германские генералы стали понимать, что их соединения явно начинают выдыхаться. Боеспособных резервов не было, многие запасные подразделения уже давно сражались на передовой. Но фон Бок упрямо рвался вперед, невзирая даже на данные своей разведки о том, что русские сосредотачивают крупные соединения в своем ближайшем тылу и производят перегруппировку войск. Он так же, как и Гитлер, не верил, что десятки раз разбитая Красная Армия способна перейти в контрнаступление. Командующий группой армий «Центр» считал, что, в крайнем случае, исход сражения будет решен последним батальоном, брошенным в прорыв. Речь уже не шла об окружении столицы, немецкое командование стремилось во что бы то ни стало ворваться в город и тем самым решить судьбу всей войны. К Москве заранее направлялся гранит для строительства памятника в честь победы над СССР.

В начале декабря ГА «Центр» достигла пределов своих возможностей, хотя отдельные ее соединения и части продолжали атаки на советскую оборону. Чрезвычайно опасным было наступление немецких моторизованных частей в центре советского

фронта в районе Апрелевки и Наро-Фоминска. Но в ходе боев 1—3 декабря войскам советской 33-й армии удалось не только локализовать прорыв, но и отбросить противника с большими для него потерями. К северо-западу от Москвы немцам на короткое время удалось достичь Красной Поляны, откуда они могли уже вести огонь из тяжелых орудий по столице. Дабы предотвратить это, советское командование перебросило на этот участок дополнительные сухопутные силы и приказало нанести по германским позициям бомбово-штурмовой удар. После кровопролитных боев враг оставил и этот район.

Советское военное командование внимательно следило за складывающейся под Москвой ситуацией. В конце ноября в тыловом районе, за позициями Западного и Брянского фронтов, были сосредоточены свежие дивизии, прибывшие с Дальнего Востока, Сибири и Урала. На их основе были сформированы 1-я ударная, 26, 10, 61-я армии, готовые в любой момент по приказу Ставки перейти в наступление. Часть прибывающих сил вступала в бой прямо с колес и теснила выдвинутые вперед немецкие части. Жуков и его штаб видели, что противник выдохся и отходит при первом сильном нажиме со стороны сил Красной Армии. Теперь главное было не упустить момента для перехода в контрнаступление.

План советского руководства по разгрому врага вырабатывался в самое кратчайшее время в конце ноября—начале декабря 1941 г. 29 ноября командующий Западным фронтом, доложив обстановку Верховному Главнокомандующему, попросил его отдать приказ о начале контрнаступления. Свое предложение Жуков обосновал так: «Противник истощен. Но если мы сейчас не ликвидируем опасные вражеские вклинения, немцы смогут подкрепить свои войска в районе Москвы крупными резервами... и тогда положение может серьезно осложниться»²⁶. Рассмотрев это предложение, Ставка довела до командующих фронтами общие задачи предстоящего контрнаступления. Что же представлял из себя его план? По существу, для доклада Сталину были подготовлены всего одна карта, на которой красным карандашом были изображены полосы наступления, и объяснительная записка к ней. Замысел контрнаступления не предусматривал глубокой операции. Жуков намеревался разгромить передовые части противника и отбросить на несколько десятков километров от Москвы²⁷. В действительности все произошло совершенно иначе.

Не успели еще части 3-й танковой группы и 4-й армии привести себя в порядок после неудачных наступательных действий в первых числах декабря, как

65 лет Великой Победы

советские Западный и Калининский фронты перешли от контратак к широкому контрнаступлению. 5 и 6 декабря войска Калининского и Западного фронта, 7 декабря – Брянского фронта подобно нарастающей лавине двинулись вперед. История знает мало примеров, когда контрнаступление начинала та сторона, которая располагала меньшими силами, чемседающий на нее враг. ГА «Центр» превосходила советские войска в личном составе в 1,5 раза, в артиллерии – в 1,8, в танках – в 1,5 раза и только в самолетах уступала им в 1,6 раза²⁸. Но советское командование учитывало не только соотношение сил, но и другие факторы: измотанность немецких войск, их неготовность к ведению войны в суровых зимних условиях и высокий моральный дух советских воинов. Стоит отметить удачно выбранный момент начала контрнаступления – возможность продвигаться вперед ГА «Центр» к 5 декабря уже исчерпала, но зарыться в землю и создать прочную оборону германские войска еще не успели. По большому счету, о стратегической обороне немецкие генералы пока даже не думали.

Успехам советских войск под Москвой значительное содействие оказали наступательные операции Красной Армии на других участках советско-германского фронта, и, прежде всего, под Ростовом-на-Дону и Тихвином. К моменту начала контрнаступления от стен столицы на этих направлениях были достигнуты крупные результаты. Удары на северном и южном флангах не только сорвали вражеские замыслы задуть Ленинград в кольцо блокады и прорваться к кавказской нефти, но и не дали возможность командованию вермахта оказать немедленное содействие ГА «Центр».

В декабрьские дни 1941 г. красноармейцы часто шли в атаку без привычной для немцев артиллерийской подготовки, что усиливало эффект внезапности советского удара. Но многие подразделения залегали вблизи немецких укрепленных пунктов и овладевали ими только после жестоких кровопролитных боев. Чтобы избежать ненужных потерь и быстрее продвигаться вперед, Генеральный штаб РККА 8 декабря, а затем командующий Западным фронтом Жуков 9 декабря, отдали распоряжения не брать населенные пункты штурмом, а обходить их, оставляя позади себя заслон²⁹. Эта тактика возымела действие; ее результатом стали прорывы советских соединений в германский тыл, паника среди немецких солдат и даже генералов. Некоторые из них стали вспоминать судьбу армии Наполеона в 1812 г. Генерал Гепнер (командующий 4-й танковой группой вермахта) докладывал, что боевые силы его объединения быстро тают, необходим быстрый отход³⁰.

Подобные донесения поступали и от других германских командующих. Фюрер был взбешен. Со своих постов были сняты многие опытные полководцы: ушли в отставку не только Гепнер, но и Гудериан, Штраус (командующий 9-й армией), и, наконец, сам командующий группой армий «Центр» фон Бок. Последний передал свои полномочия фельдмаршалу Г. фон Клюге.

И, напротив, зажглись звезды таких советских полководцев, как генералы Жуков, Рокоссовский, Конев, Белов, Болдин, Ефремов, Говоров, и других. Они действовали смело и решительно. Так, командующий 16-й армией Рокоссовский, встретив сопротивление противника на истринском рубеже, не стал штурмовать его в лоб, а совершил своими силами грамотный фланговый маневр. Немцы оказались в полукольце и были вынуждены отступить. По пути они бросали вооружение и технику. На южном фланге ГА «Центр» еще 9 декабря части Красной Армии освободили Елец, а 12 декабря войска Юго-Западного фронта (13-я армия и оперативная группа Костенко) смогли частично окружить елецкую группировку врага. 15 декабря был взят Клин. Его освобождение решило судьбу Калинина. 16 декабря в этот город вошли войска генерала И. Конева³¹.

Тогда же, 16 декабря 1941 г., Гитлер отдал приказ, запрещавший проведение крупных отступательных операций, известный также под названием «держаться». Он требовал фанатически упорного сопротивления Красной Армии. Одновременно приказом предусматривалась переброска на фронт с Запада маршевых батальонов³². Но это решение фюрера не могло сразу повлиять на ситуацию и ликвидировать кризис ГА «Центр».

Именно в это время британский министр иностранных дел А. Иден, прибывший в Москву на переговоры со Сталиным, совершил ознакомительный визит на один из участков советско-германского фронта. Советские офицеры показали ему огромные колонны брошенных немцами автомашин и танков. Англичанин был удивлен и поражен масштабами германского разгрома. Никогда раньше немцы не терпели столь очевидного и сокрушительного поражения. Безусловно, личные впечатления Идена от всего увиденного под Москвой оказали большое влияние на выработку правительством Великобритании своей дальнейшей политики военной помощи Советскому Союзу.

Наступившие сильные холода стали неприятным «сюрпризом» для немецкого командования. После войны бывшие генералы вермахта даже оправдывали свои поражения зимой 1941/42 г. «генералом морозом». Трудно поверить, чтобы высшие

германские офицеры до нападения на СССР не знали особенности российского климата. Другое дело, как подготовиться к суровым погодным условиям. Приказ фон Бока снабдить войска всем необходимым для ведения войны зимой и сделать все возможное, «чтобы наступление началось и успешно завершилось даже при тяжелейших погодных и дорожных условиях», отданный еще 3 сентября 1941 г.³³ до конца исполнен не был. Отсутствие необходимого количества теплых вещей связано, очевидно, с надеждой взять Москву еще до наступления холодов. Напротив, Красная Армия была хорошо обута и одета, новые танки приспособлены к действиям зимой. Но данный факт явился следствием больших организационных мероприятий, огромного напряжения тружеников тыла, что признается одним из главных слагаемых победы. Так что не «генерал мороз», а единство фронта и тыла СССР поставили противоборствующие силы в такое положение в конце 1941 г. Жалобы немецких генералов на холода, обморожения солдат, выход из строя техники, какие присутствовали, в частности, в телеграмме командующего 2-й немецкой армией, – есть, по сути, запоздалая констатация предыдущих просчетов, как верховного командования Германии, так и самих фронтовых военачальников. «Условия погоды, – отмечалось штабом 2-й армии, – быют также и по русским, но по ним они быют не так сильно, как по нам, так как русские более подвижны в зимних условиях...»³⁴. Те же германские офицеры делали банальные «открытия» подобного рода: «немцы не имеют хорошего зимнего обмундирования, а русские солдаты, у которых условия расквартирования значительно хуже, лучше переносят холода...»³⁵. Относительно подвижности советских войск на тот период немцы были правы. В частности, в Красной Армии в широких масштабах началось тогда формирование отдельных лыжных батальонов, приданных различным фронтовым соединениям. Их подготовленные бойцы могли совершать многокилометровые марши, обходя заслоны противника и атакая на него с тыла.

В конце декабря—начале января Красная Армия продолжала наращивать удары по противнику. Западный, Калининский и Юго-Западный фронты оставили позади линию, с которой войска ГА «Центр» начали свое ноябрьское наступление на Москву, и продвигались дальше на запад. Столь быстрое советское наступление грозило крахом всего фронта группы армий. Чтобы предотвратить катастрофу, немецким командованием было принято решение готовить новые тыловые рубежи. При строительстве укреплений (причем на самых тяжелых работах) намечалось широко

использовать местное население. Так, в приказе по 9-й германской армии подчеркивалось, что «впереди позиций на глубину до 20 км необходимо подготовить создание «полной пустыни». В этой зоне русские не должны найти ни одного жилого дома, ни одного сарая, ни одного пучка соломы, ни одного домашнего животного и ни одной картофелины. Для этого в более поздний период должны быть сожжены все поселения до последней избы...»³⁶. Отметим, что этот приказ подготовлен офицерами вермахта. Их отношение к мирному населению, по сути, было несколько не лучшим, чем у эсэсовцев. Сам Гитлер 21 декабря предписывал фон Клюге: «...Территория, с которой наши войска будут вынуждены отступить, должна попасть в руки противника непригодной для использования. Каждый населенный пункт должен быть сожжен и разрушен...»³⁷. Тысячи советских людей были обречены на голод и холод, грозившие быстрой смертью.

7 января контрнаступление под Москвой переросло в общее наступление на всем советско-германском фронте. Жуков был против решения Ставки о переходе к активным боевым действиям не только под Москвой, но и на флангах советско-германского фронта. Он предлагал Сталину вначале завершить наступление против группы армий «Центр», а на остальных участках занять пока прочную оборону. Но на совещании в Кремле по поводу дальнейших планов Красной Армии в 1942 г. Жуков оказался в меньшинстве. Ему пришлось смириться с выводом из состава своего Западного фронта 1-й ударной армии, которая была переброшена в район Демянска. Соответственно, войска Жукова оказались ослаблены. Мощь их ударов постепенно теряла свою силу. Дело осложнялось еще и тем, что советское командование, переоценив результаты своих успехов, решило сразу провести гигантскую операцию по окружению и разгрому всей группы армий «Центр». Выполняя директивы Ставки ВГК, Калининский, левое крыло Западного и правое крыло Брянского фронтов развернули наступление на ржевском, юхновском, сухиничском направлениях, стремясь замкнуть кольцо по линии Ржев – Вязьма. Операция получила название Ржевско-Вяземской. Для содействия продвижению ударных советских соединений в тыл врага в район Вязьмы и Дорогобужа выбрасывались крупные десантные части из состава 4-го воздушнодесантного корпуса.

В середине января 1942 г. многим советским генералам казалось, что еще одно небольшое усилие, и враг не выдержит смелого напора, дрогнет и побежит. Его паника будет означать и его окончательную гибель. Советские соединения, направляемые

65 лет Великой Победы

в глубокий прорыв по тылам противника, должны были захватить ключевые пункты еще до того, как немцы смогут организовать их крепкую оборону. Севернее Ржева устремились вперед 29-я и 39-я армии Калининского фронта, на центральном участке Западного фронта успешно наступали к Вязьме 33-я армия генерала Ефремова и гвардейский кавалерийский корпус генерала Белова.

Однако одного желания разгромить группу армий «Центр» было еще мало. Советскому командованию явно не хватало людских резервов и материальных средств, чтобы завершить окружение противника. Плохо пока обстояло дело с подвозом вооружения, поступлением на фронт новой техники, ее ремонтом, что не замедлило сказаться на темпах советского продвижения вперед. Заводы военной промышленности, эвакуированные на восток, только начинали разворачивать свои мощности. Низкий уровень производства боеприпасов вел к тому, что артиллерийская поддержка советских частей была недостаточной. «Вероятно, трудно поверить, — вспоминал Г.К. Жуков, — что нам приходилось устанавливать норму расхода боеприпасов 1—2 выстрела на орудие в сутки. И это, заметьте, в период наступления!»³⁸. С развитием советского наступления появились и перебои с продовольствием, что сказывалось на физическом состоянии военнослужащих РККА.

В то же время немцы стали получать из Западной Европы, и прежде всего из Германии и Франции, крупные подкрепления. Свежие германские части стали вводиться в бой как раз в тот момент, когда последовал долгожданный приказ Гитлера от 15 января 1942 г. на отход основной части группы армий «Центр» на заранее подготовленные тыловые позиции³⁹. На отдельных участках германское отступление сопровождалось сильными контрударами по флангам прорвавшихся вперед советских соединений, и они сами оказались отрезанными от главных сил. Судьба их была незавидной. 90% личного состава лишилась 29-я армия Калининского фронта; оказалась в глубоком окружении и практически погибла в апреле 1942 г. юго-восточнее Вязьмы 33-я армия Западного фронта. Ее командующий генерал Ефремов до конца оставался со своими подчиненными и, будучи раненым, предпочел смерть вражескому плену.

В различных публикациях и средствах массовой информации не раз поднимался вопрос, какова степень ответственности за гибель ударной группы 33-й армии вышестоящего командования и лично генерала Жукова⁴⁰. Действительно, именно он отдал приказ Ефремову наступать на Вязьму и не обеспечил должным образом его фланговое прикрытие.

Но, во-первых, у Жукова просто не было достаточных сил и средств, чтобы обеспечить поддержку прорвавшимся вперед соединениям Красной Армии. Желание взять скорее Вязьму в полной мере присутствовало и у генерала Ефремова. Исходя из документов советской стороны, можно сказать, что виноваты были все: и командование 33-й армии, и штаб Западного фронта, и Ставка ВГК, не сумевшие вовремя разгадать грозящую советским войскам опасность. Однако мы не должны забывать и о мероприятиях германского командования, поставившего тогда своей целью, во что бы то ни стало отрезать и уничтожить прорвавшиеся в немецкий тыл советские соединения. Советские расчеты на то, что враг обескровлен и деморализован, оказались ошибочными. Гитлеровцы сумели не только выдержать советский натиск, но на многих участках вновь перехватили инициативу и провели ряд успешных контрударов.

В феврале—апреле 1942 г. войска Западного фронта предприняли яростные попытки прорваться к окруженной группе генерала Ефремова. Жестокие бои развернулись на узком участке фронта, в районе впадения р. Воря в р. Угра. Здесь в марте 1942 г. образовался плацдарм на западном берегу р. Угра, между деревнями Красная Горка и Большое Устье, с которого части 43-й армии генерал-майора К.Д. Голубева долго, но, в основном, безуспешно атаковали укрепленные позиции немцев. Потери 43-й армии были значительны — до 5 000 чел. убитыми. Жертвы эти оказались напрасными.

Однако теперь, к апрелю 1942 г., немецким солдатам и генералам противостоял уже совершенно другой противник, далеко не тот, что был в начале войны. Победа в битве под Москвой воодушевила советских бойцов. Они видели, что враг силен, но все же его можно бить, причем его же оружием — смелым и решительным наступлением. За период с декабря 1941 по апрель 1942 г. советские части отбросили противника от стен столицы на 150—350 км, поставили командование группы армий «Центр» перед необходимостью держать широкий фронт обороны, уязвимый во многих местах.

Битва под Москвой продолжалась в общей сложности 203 дней и ночей на огромном пространстве, равным примерно территории Франции. С обеих сторон в ней было задействовано около 7 млн человек. Общие безвозвратные потери советских войск в сражениях на ближних и дальних подступах к столице составили 926 тыс. человек. Немцам также был нанесен значительный урон — 615 тыс. человек убитыми, пропавшими без вести и ранеными⁴¹. Никогда до этого вермахт не терял

стольких людей, уже имевших за плечами богатый опыт войны. Полноценной замены им у Германии не было. Поэтому широко разрекламированное ставкой Гитлера новое весеннее наступление на Восточном фронте в 1942 г. так и не состоялось. Гитлер пришел к выводу, что после того, как германские войска приведут себя в порядок, возможно будет осуществить удар только на одном стратегическом направлении – южном. Для продолжения войны Германии срочно требовалась нефть Кавказа и пшеница Ставрополя и Кубани. Взять Москву – стратегическую цель всей кампании – оказалось Гитлеру не по силам.

Битва под Москвой имела огромные последствия для дальнейшего хода как Великой Отечественной, так и всей Второй мировой войны. Решающим моментом стал тот факт, что Германии не удалось осуществить свой блицкриг. Важнейший в экономическом отношении центральный регион Европейской России остался в советских руках. Это, в свою очередь, дало возможность осуществить мобилизацию ресурсов для продолжения войны. СССР выиграл время для усиления в восточных районах страны своей военно-промышленной базы. Тысячи предприятий, эвакуированных с Украины, Белоруссии, из западных областей России на восток, к началу 1942 г. стали заново вводиться в строй. За Волгой продолжали формироваться новые мощные соединения Красной Армии, оснащенные последними образцами вооружения и техники. Большинство советских людей окончательно уверились в том, что враг не сможет поставить их на колени, и борьба еще только начинается.

Переход советских войск в наступление зимой 1941/42 г. разрушил существовавший во многих странах миф о непобедимости нацистской Германии. Правящие круги Японии, а также Турции заняли более осторожную позицию в отношении возможного нападения на СССР. В оккупированных вермахтом европейских государствах – Франции, Югославии, Греции, Польше и других – активизировались движение Сопротивления и партизанская война. Значительно изменились отношения Великобритании и США к тем усилиям, которые прикладывал Советский Союз, сражаясь с агрессором.

7 декабря 1941 г., спустя два дня после начала советского контрнаступления под Москвой, в войну вступили Соединенные Штаты Америки. Эта

страна, обладавшая мощнейшим промышленным потенциалом и значительными людскими ресурсами, становилась теперь реальным союзником Советского Союза. 1 января 1942 г. представители СССР, США, Великобритании, Канады и других стран подписали в Вашингтоне Декларацию 26 государств, где заявили о решимости одержать полную победу над странами «оси» – Германией, Японией и Италией. Теперь, в начале 1942 г., несмотря на развернувшиеся кровопролитные сражения в бассейне Тихого океана, важной задачей англо-американского командования стала подготовка к открытию второго фронта в Европе. Боевые действия Красной Армии на советско-германском фронте играли в этой подготовке ключевую роль, поскольку не просто оттягивали большую часть немецких сил с Запада, но и перемалывали их в гигантской мясорубке.

Многие современные отечественные историки считают битву под Москвой началом коренного перелома в Великой Отечественной войне⁴². Противнику был нанесен удар такой силы, который заставил его вначале отступить, а затем перейти к стратегической обороне. Крах блицкрига одновременно означал и переход вермахта к затяжной войне, к которой Германия ни политически, ни экономически, ни морально не была готова. Остается фактом, что летом 1942 г. немецкие войска сумели вновь нанести Красной Армии ряд тяжелых поражений на различных участках: под Ленинградом, Харьковом, в Крыму, на подступах к Сталинграду. Но Советский Союз располагал к тому времени достаточными резервами, чтобы сдерживать врага и окончательно повернуть чашу весов в свою пользу. Перелом в войне прошел через ряд стадий, первой из которых была победа под Москвой.

Mikhail Y. Myagkov. The Battle of Moscow

One of the Great Patriotic War decisive battles is analyzed here. The author shows, that the Battle of Moscow had great consequences for the Great Patriotic and Second World Wars. The crucial moment was the following. Germany failed to realize the blitzkrieg plan, that is to say the Wehrmacht had to make dragged-out war, and it wasn't neither politically, nor economically, nor morally prepared to such a protracted conflict.

Ключевые слова

План «Барбаросса», Битва за Москву, Г.К. Жуков, И.В. Сталин, Великая Отечественная война, крах блицкрига

Keywords

plan "Barbarossa", battle for Moscow, G.K. Zhukov, I.V. Stalin, Great Patriotic War, the blitzkrieg collapse

65 лет Великой Победы

1. Великая Отечественная война 1941—1945. События. Люди. Документы.: Краткий исторический справочник / Под общ. ред. О. Ржешевского. М., 1990. С. 9
2. Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1 Суровые испытания. М., 1995. С. 104; *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии 1933—1945. Т. 3. М., 1976. С. 269—270.
3. Центральный архив Министерства обороны РФ. (Далее: ЦАМО РФ). Ф. 500. Оп. 12462. Д. 572. Л. 3.
4. *Дашичев В.И.* Банкротство стратегии германского фашизма. Т. 2. С. 234—235.
5. *Василевский А.М.* Дело всей жизни. М., 1978. С. 129.
6. *Блюментрит Г.* Московская битва // Роковые решения. Пер. с англ. М., 1958. С. 90; Гриф секретности снят: Потери вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование / Под общ. ред. Кривошеева Г.Ф. М., 1993. С. 166.
7. *Хазанов Д.* Неизвестная битва в небе Москвы 1941—1942 гг. Оборонительный период. М., 1999. С. 35.
8. *Ренгардт К.* Поворот под Москвой. С. 72.
9. См. Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 166.
10. Битва за столицу. Сборник документов. Т. 1. От обороны к контрнаступлению / ИВИ МО. М., 1994. С. 11.
11. См. Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 170.
12. *Невзоров Б.И.* Оборона на дальних и ближних подступах к Москве. С. 26.
13. Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 175.
14. См. Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 181.
15. ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 946. Д. 41. Л. 19.
16. ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 946. Д. 41. Л. 247.
17. Цит. по: Битва за столицу. Сборник документов. Т. 1. С. 55.
18. ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 946. Д. 41. Л. 15—16.
19. ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 946. Д. 41. Л. 12—13.
20. Выдержки из воспоминаний бывшего наркома авиационной промышленности А.И. Шахурина, заместителя председателя СНК А.И. Микояна, председателя Исполкома Моссовета В.П. Пронина, начальника УНКВД по Москве М.И. Журавлева и ряда других источников о том, что происходило в правительстве и на улицах столицы в критический период середины октября 1941 г. см. в Москва военная... С. 106—124.
21. *Хазанов Д.* Указ. соч. С. 96—99.
22. Москва военная. С. 409—410.
23. Битва за столицу. Сборник документов. Т. 1. С. 43—44.
24. Цит по: «Совершенно секретно! Только для командования!» М., 1967. С. 339.
25. *Мартынов В.Е.* Панфиловцы // Великая Отечественная война 1941—1945. Иллюстрированная энциклопедия. М., 2005. С. 406—407.
26. *Жуков Г.К.* Указ. соч. Т. 2. С. 254—259.
27. Г.К. Жуков в битве под Москвой: Сборник документов. М., 1994. С. 63.
28. *Кульков Е.Н.* Московская битва // Великая Отечественная война 1941—1945 гг.: Иллюстрированная энциклопедия / отв. ред. А.О. Чубарьян, ред. М.Ю. Мягков, сост. Ю.А. Никифоров. М., 2005. С. 355.
29. Великая Отечественная война 1941—1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. Суровые испытания. С. 201; ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2524. Д. 1. Л. 304.
30. ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 118. Л. 71.
31. См.: *Невзоров Б.И.* Москва: враг не прошел / Рубежи ратной славы Отечества. С. 25.
32. ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 7. Л. 55—57.
33. ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 554. Л. 41.
34. ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 134. Л. 75—79.
35. ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 134. Л. 70—71.
36. ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 119. Л. 106—111.
37. ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 578. Л. 22, 25.
38. *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. Т. 2. М., 2002. С. 51.
39. Битва за столицу. Сборник документов. Т. 2. С. 58—59.
40. В частности этот вопрос поднимался в довольно противоречивом фильме А. Пивоварова «Ржев. Неизвестная битва Георгия Жукова» (НТВ, 23.02.2009).
41. *Кульков Е.Н., Мягков М.Ю., Ржешевский О.А.* Война 1941—1945. Факты и документы. М., 2004. С. 73.
42. См., напр.: *Невзоров Б.И.* Московская битва: Феномен Второй мировой. М., 2001.